

В СССР секса не было!

Тринадцать-шестнадцать лет! Замечательная пора познания мира, когда мысли еще незамутненные, сердце горячее, а взгляд пылливый.

Это именно то время, когда девочки твоего класса однажды приходят в школу, и ты, своим мальчишеским взглядом видишь все те же коричневые школьные фартуки, те же белые кружевные воротнички под горло, те же косички, но понимаешь, что что-то не так, что-то по-другому! И в подтверждение этому сбилось дыхание, а под коленкой появилась дрожь как перед серьезной потасовкой.

И вот ты смотришь на них, и не понимаешь, куда исчезли острые коленки, набивная ватная грудь, торчащие ключицы, пальцы в цыпках и глаза товарища по парте. А вместо всего этого появились округлости, кокетство в движениях и озорство в глазах. Взглянув на себя, с огорчением осознаешь, что вот конкретно тебя почему-то эти метаморфозы еще не коснулись или только начинают касаться, но как-то неуверенно, не быстро, словно они идут через линию задержки. В такие времена ощущаешь себя не то что гадким утенком, а каким-то младшим братом, на которого смотрят сверху вниз с изрядной долей участия. Мол, ничего, подрастешь еще, тогда и посмотрим!

И знаете, что раздражает больше всего? Что старшеклассники начинают засматриваться на девчонок твоего класса, твоего двора. А они при этом отвечают им хихиканьем и лукавыми взглядами. Это просто крушение мироздания! Еще вчера делили горшок в детском саду, стояли у одной грифельной доски в школе, а сегодня она гладит тебя по головке как сопляка! Врачи называют это пубертатным периодом, а Михаил Горбачев называл ПЕРЕСТРОЙКОЙ! Короче, верхи уже хотят, а низы еще не могут!

В нашем рабочем районе в те времена слова “sex” не знали. Знали слова «дружить», «любить», «кадриться», «гулять». Слова из трех и пяти и букв украшали заборы и стены деревянных туалетов в общественных местах, но, что означает иностранное слово из трех букв, для нас было не ведомо.

Конечно, как предопределено свыше, мы познавали мир разными путями. Чего греха таить, были тут и дырки в туалете, и замочные скважины в женском душе, и отпечатанные на фотобумаге порнографические карты со страшными голыми тетками в черных чулках и волосатыми подмышками. До сих пор мои товарищи вспоминают ледяную горку в парке имени Петра Алексеева, где до поздней ночи мальчишки и девчонки катались паровозиком с громким визгом и улюлюканьем, заваливаясь в финале в кучу-малу!

Шекспира в это время мы не читали, но дом культуры того же парка давал нам возможность оценить прелести и Леди Винтер из «Трех мушкетеров», и Анжелики. Не самые плохие с виду, скажу я вам, представительницы женской части нашей планеты.

Поездка в пионерский лагерь расширяла возможности познания мира практически до бесконечности. Чего только стоили пионерский костер с игрищами и прогулками по «аллее любви», совместные ночные посиделки в палате, танцы-обниманцы по-пионерски, футбол мальчишки на девочек на мокром футбольном поле под дождем! А выезд на Рузское водохранилище, когда выпала возможность искупаться, а у девчонок не было купальников. Пацаны отдали свои рубашки, которые вполне сгодились для плавания, а потом высушивали их на своих телах, еще долго принюхиваясь к аромату незнакомого тела, за несколько минут впитавшегося в ткань вместе с водой.

По ночам в палате Андрей Желтый пересказывал нам истории про еврейского царя Соломона, его любвеобильность и девушку Суламифь. Подвирал, конечно, но другого-то не было! И долго потом скрипели железные кровати, на которых, ворочаясь, не могли заснуть вихрастые недоросли.

И вот он зимний лагерь! Нельзя сравнивать лагерь летом и лагерь зимой, как нельзя сравнивать любовь темнокожего островитянина в жарком и влажном океане и суровые отношения оленевода со своей возлюбленной в мерзлой тундре. Скрип валенок по утреннему снегу, шорох разлапистых елей, осторожно качающих макушками, что бы ни уронить богатство, накинутое поверх зеленых иголок, прыжки проказниц белок, рассыпающих гирляндами щепотки снега из-под розовых лапок все это дополняла звонкая синь морозного неба и освежающий привкус хвойного вкуса на обветренных губах.

Горку строили всем лагерьем. Сначала с хоздвора пригнали трактор, который долго сгребал снег на футбольном поле в одну огромную кучу, из которой мы с помощью лопат и фанерок слепили горку со ступенями. Потом к этому телу слона стали приделывать длинный хобот-желоб. Желанья наши увеличивались по мере того, как этот желоб рос, загибался в причудливую петлю, и уходил через ворота бассейна к самой кромке льда. Довершила работу струя воды, которой поливали построенное изваяние. Короче, к ужину мы пошли мокрые и усталые, но гордые проделанной работой. Понятно, что застрельщиком был старший вожатый в своем неизменном тулупе и шапке малахае, валенках с подшитыми пятками и рукавицами на меху. За ужином он хитро посматривал на ребят, которые ложку с кашей не могли донести до рта. Батарейки безнадежно сели, но глаза лучились светом. Последние силы ушли на сушилку, в которой развесили мокрые одежды и обувь. Вечер прошел тихо. Все ждали завтра.

Утро следующего дня выдалось ясным и морозным. Покончив с завтраком, все устремились на горку, по которой первые отчаянные сорванцы поехали на фанерках, закручиваясь на поворотах и выскакивая на простор бассейна с ощущением: «Ну, вот какое оно - счастье!» Первое движение рук, отталкивающихся от ледяного ограждения, переходило в резкий вдох и шуршанье фанеры по ледяному жолобу. Неровности поверхности, придававшие пикантный трепет губам, проходили стиральной доской под основанием бедер, напоминали про школьное правило «Буравчи-

ка» в котором у тебя не было ни каких прав, отдавались стремительным потоком ледяного ветра по ушам и раздольным, как широкая Волга, выкатом на «простор речной волны»! Ведь было, было ради чего пришлось и попотеть, и покарячиться! Умиротворенное ребячье честолюбие купалось в неге приятных ощущений ледового спуска.

Однако экспериментаторский дух подростков и даже недорослей не мог ограничиться использованием лишь фанерки. И поскольку «лебянок» в то время не было, вспомнили про санки. Скажу особо, что кроме обычных дюралевых санок с цветными реечками сиденья в лагере была пара настоящих спортивных саней с гнутыми из многослойной фанеры полозьями на стальной основе, наборным брезентовым сиденьем и ремнем управления, на которых можно было спускаться даже по настоящей спортивной трассе. Даже на обычных санках спуск с горы приобрел совершенно иное звучание за счет скорости, остроты ощущений в вираже и дальности выката. А на спортивных санях это был просто полет! За пределами звука!

И вот мы решили устроить соревнования, кто уедет дальше. И даже по разу прокатились, целиком отдаваясь романтике головокружительного спуска с горы. Стоящие вокруг девчонки, посмотрев на нас, тоже захотели так, только вот, управляться санями они не умели, да и страшновато было в одиночку. Одним словом решили, что каждый участвующий мальчик возьмет в экипаж девочку. Разбившись на пары, мы полезли по скользким ступеням вверх.

Разместившись на санях, я посадил впереди себя девочку, что была года на три младше. Спортивный дух обуял меня всего, поэтому все мысли были только о победе! Габариты моей фуфайки, и без того объемные не позволяли поместиться вдвоем на маленьком сидении саней, а уж тем более создать аэродинамический кокон для снижения потерь из-за аэродинамических завихрений. Фуфайка полетела прочь, да и девочка скинула свою курточку, что бы мы поместились. Мозг авиаракетомоделиста методично продумывал тактику старта, прохождение виража, динамику вы-

ката. И прежде, чем рвануть со старта в пропасть ледяного желоба, я ощутил тоненькое сердцебиение кролика в нижней части живота, там, где согнувшись вперед и, упершись локтями, в круглые коленки сидела девчонка, которую от ледяных объятий спуска защитили мои бедра, спина и руки. Она почти не дышала или не дышала совсем, собравшись в комочек и робко подстраивая свое сердце под ритмичную работу моих клапанов. Тонкая шерсть трикотажного костюма не могла скрыть животный страх и восторг, одновременно ворвавшиеся в этот организм. Вот оно чувство одного большого зверя.

Но, резкий вдох! И мы летим по сверкающей солнцем и льдом такой непростой полутрубе, неловкий маневр в которой способен закрутить сани в спираль, а то и выбросить за ее пределы. Страх нет, есть азарт и жажда победы. Но где-то глубоко в подсознании отдается эхом заячье сердцебиение. И не захватывающий дыхание вираж, ни свист в ушах не могут заглушить этот тихий тополиный звук существа, доверившего тебе свою жизнь и свои надежды.

Вот все. Весь путь меньше пяти секунд. Ребята бегут к нам, подавая ватник, куртку и меховые шапки. Мы победители уехали дальше всех! Но почему, прекратилось биться сердце кролика в паху? Просто мы встали с саней и разошлись в разные стороны.

Потом как-то еще раз приходило то же ощущение, когда вереница санок, нанизанная как на кукан рыба, разухабисто волочилась по проселку за стареньким Москвичом. Сильно не разгоняясь, автомобиль тащил веселую ватагу, которая болталась хвостом, от обочины до обочины. С дюжину санок заполнили мальчишки и девчонки, кто поодиночке, кто по двое. Самые нетерпеливые стали подтягивать сани по веревке, сначала притормаживая, отклоняясь от курса, а потом, отпуская выбранную петлю, и вылетая почти с обочины в самую середину кавалькады. Бывало, что кто-то падал с санок и потом бежал несколько десятков метров, стараясь вновь на них запрыгнуть. Весело, шумно, здорово!

Я тоже ехал на санках за Москвичом в том эскорте. Впереди меня сидела та же девочка. И однажды, когда автомобиль разо-

гнался чуть быстрее обычной скорости, я вновь почувствовал пульсацию жилки, пытавшейся спрятаться за ударами моего взрослеющего сердца. Дрожащий кролик, бывший в груди впереди сидящего человека, отдавался эхом в моем теле, но не найдя удобной ямки, выпрыгнул куда-то в сторону и затаился.

— Вставай! Приехали уже! — услышал я голос из-за спины.

Вечером после ужина мы встречали Новый Год в карантинном зале, где нарядили елку, притащили старый как в школе усилитель с микрофоном, извлекли со склада гирлянду с покрашенными гуашевыми красками большими как в люстре лампами. К гирлянде прилагалась цветомузыка, собранная на большой плите из эбонита на самых настоящих реле. При включении из реле выдвигался штырек и включал одну линию лампочек. А потом слышался громкий щелчок, штырек убирался и загорался другой сегмент разноцветной гирлянды. Поскольку сегментов было несколько и на каждый выделено свое количество реле, то на эбонитовой плите размером с половину портфеля-дипломата, происходило настоящее действо, походившее на автоматизированное производство будущего. Эдакое роботизированное производство, в котором реле отдают приказы роботам-штырькам, а те идут и переключают выключатели. Но видимо что-то те делают недостаточно хорошо, поскольку реле командным голосом громко указывают им на недостатки, отчего в воздухе постоянно слышны громкие щелканья языком и чувствуется некая электрическая напряженность.

На стене повесили задник от летнего спектакля с изображенным сломанным деревом и поляной в лесу, причем так прикрепили лампы на картине, что включаясь поочередно разные сегменты гирлянды создавали эффект четырех разных картин.

Повара испекли пирог, со склада принесли конфеты и другие сладости. Чайники стояли полные ароматным чаем, а на столики накрыли бумажные салфетки с вырезанными девчонками затейливыми орнаментами. По всему залу развесили бусы и гирлянды, среди которых доминировали снежинки самых разнообразных видов и размеров. Снежинками были украшены и окна, на одном

из которых был нарисован Дед Мороз, и сияла надпись: «С Новым Годом!» Дополняла картину музыка, которую на стареньком проигрывателе «Аккорд», выдавала новая пластика «Веселых ребят».

«Снова вокруг весна бушует! Мир утонул в зеленом шуме...» — не по-новогоднему пела пластинка, а мы в это время наряжались в корпусе для торжества.

Кто из нашего поколения не помнит танцы в пионерском лагере? Всегда наглаженные и на адреналине девочки, и забежавшие со спортивной площадки мальчики, которые по мере взросления, тоже начинали наглаживать рубашки, наутюживать брюки. Одевалось все самое хорошее офицерский ремень с двумя рядами дырочек, например, тельняшка или новая «олимпийка» с отложным воротом и замком «молния». Простенькие черные ботинки самозабвенно драились до зеркального блеска. Особый форс им придавали три серебристые линии краски, нанесенной в кружке «Умелые руки», отчего по мысли автора, они моментально становились как две капли воды похожими на только появившиеся в России кроссовки фирмы «Адидас».

Вечно торчащие во все стороны вихры и кучерявящиеся чубы, неловкие руки расчесывали на пробор, как у Джеймса Бонда. Если повезло, и на твоей голове не просто «полубокс» за 15 копеек или «молодежная» за 30 копеек, а настоящий «шведский мальчик», то задача усложнялась, и от пробора по центру гребешок бегал влево-вправо, вычесывая хвою, песок и еще неведь что из копны сбившихся волос. Правда, всегда существовал испытанный приемчик, когда две ладошки с крючковатыми пальцами, одновременно одним движением заводили все «головное хозяйство» назад, моментально приводя хаотичный беспорядок в некое упорядоченное состояние.

Еще несколько капель одеколona «Гвоздика», и вот ты уже паришь, «что твой голу́бь сизокры́лый»!

Второй вожатой на нашем отряде была Лена девушка лет 17-18, родственница или знакомая кого-то из администрации Института. Достигнув своей девичьей зрелости, она распустилась

огненным цветком с нежными лепестками на длинном упругом стебле красивых ног. Собственно, кроме рыжих волос до копчика, зеленых глаз с поволокой и хорошей фигурки, память ни чего и не сохранила. Понятное дело, что в нашей компании все мальчишки загодя расписывали танцы с ней, норовили прокатиться с ней на санках, или, прилипнув сзади, скатиться с горки. Воспитывать ей нас не очень хотелось, да и было нечему, но соблюдая режим, она заходила в палату поговорить о планах на очередной день, обсудить какое-нибудь мероприятие или просто потрепаться.

Нагладив свои клеши и рубашку, я повесил вешалку на спинку кровати и занялся обувью. Рядом прихорашивались пацаны, с которыми мы чего только в этом лагере не вытворяли. Как говорили старшие: «С молодых ногтей вместе!» Время идет, мы вырастаем. Меняются и наши проделки!

Не обнаружив у себя в тумбочке иголку с ниткой, я подтянул треники, одернул олимпийку и пошел к вожатой. Ее комната располагалась по диагонали от нашей палаты и представляла лачужку, в которой размещались стол с граненым графином, стул к нему, железная кровать и шкаф для белья. Все это было обильно дополнено рулонами ватмана, спортивным инвентарем, и мешком с постельным бельем, подготовленным для сестры-хозяйки. Постучав в дверь, я дождался дежурного: «Войдите!» и вошел в комнату.

Вожатая тоже готовилась к новогоднему празднику. Обычный бардак в вожатской был дополнен платьями, блузками и иными аксессуарами, изысканно разложенных повсюду. Свободной от женских штучек была только белая шарообразная люстра, свисающая с высокого потолка на металлической трубе. Облепленная снежинками она тускло освещала темное помещение с деревянными брусковыми стенами, придававшими жилищу вид берлоги. Чемодан с вывернутой наружу челюстью валялся под железной кроватью, то ли страдая от боли, то ли показывая язык. Видимо, он слишком нарывался, поскольку Лена резким ударом ноги загнала его под кровать. Она стояла и думала с чего же начать.

— Лен, дай иголочку с белой ниткой пуговку пришить! — попросил я, проходя к столу, стараясь не помять или не уронить ничего из гардероба вожатой. В сумерках темного помещения я невольно залюбовался стройной фигурой девушки с растрепанными бронзовыми волосами ниже пояса и покрасневшими щеками с ямочками, стоящей с негодующим выражением лица над огромной свалкой.

— Так, иголка! — произнесла она решительно, словно вырывая себя из другого мира своих мыслей. Отодвинув стул, она открыла дверцу письменного стола и, изящно изогнувшись, стала копошиться в одном из ящиков. Тренировочный костюм плотно обтягивал молодое тело, выделяя изгиб бедра, тонкую талию с ложбинкой над упругими ягодицами. За украшенным металлическими зубьями застёжки «молния» вырезом угадывалась крепкая грудь.

— Тут с вами только в спортивном костюме и ходишь! Со всем забыла, как одеваются приличные девушки! — бросила она, перехватив мой взгляд и улыбку полного дурака, глазеющего на зебру в цирке. Если б не тусклый свет и коричневые деревянные стены, она бы еще увидела не красный, а пунцовый цвет моего лица. А может и увидела....

— Вот твои иголка с ниткой! — протягивая мне руку, сказала она, гибко разогнувшись и отбросив другой рукой упавшие на глаза бронзовые волосы. Кулон зеленого камня, висевший на шее выбился из-под свитера и лежал на правой груди. Зеленые колдовские глаза смотрели прямо внутрь меня, разрушая мое достоинство и пацанский форс.

Как ни странно, синдром сжираемого удавом цыпленка, быстро улетучился. Ко мне возвратились и бывшая независимость и пацанская нахальность. Я держал в руках иголку, которая впилась в мою ладонь, и не отпускал ее руку. Иголка входила все глубже, и по белому двойному ручейку нитки в сторону узелка побежала первая красная капелька.

— Слушай, а помоги мне выбрать платье на вечер! — просто сказала она, освобождая руку Вот только избавлюсь от этого вечно спортивного наряда!

Не дожидаясь ответа, она отвернулась ко мне спиной и сняла «олимпийку». Несколько волосков зацепились за молнию и не давали закончить начатое.

— Ой-ой, помоги распутать! — попросила она, поворачиваясь ко мне. Олимпийка скрывала ее лицо и лишь отчасти простенький бюстгалтер. Поднятые вверх руки добавляли ее фигуре схожести с античной статуей, с той лишь разницей, что статика холодного мрамора ни когда не сможет передать порыв горячей плоти.

Спрятав иглу с кровотокающей ниткой, я подошел ближе и протянул руки, чтобы распутать волосы и освободить их от застёжки. Мои пальцы начали отделять медные пряди от лабиринта стальных зубьев, когда в грудь уперлись два острых бугорка за хлопчатобумажным корсетом. И хоть я сделал вид, что меня это не касается, продолжив работать пальцами с волосами, мысли мои унеслись совершенно в иное направлении.

Сняв спортивный свитер, мы перевели дух. Лица у нас были одного цвета, с той лишь разницей, что мои патлатые кудри слиплись на лбу, а бронза ее волос была отброшена назад, освободив подавшийся вперед подбородок на высокой шее.

— Так какое платье мне надеть на праздник? — почему-то шепотом спросила она, приближая подбородок к моему лицу. Разница в пару лет не играла ровно ни какого значения в этой ситуации. От разгоряченной девичьей кожи по моим щекам хлестали мюмюзоны созревшей самки, пюмюзоны пламени пасти дракона и феромоны крольчихи.

Дверь открылась неожиданно, залив светом, словно цунами, всю нашу интимную идиллию. В просвете появилась вторая вожатая, очень уважаемая и авторитетная среди нашей ватаги. Мгновенно оценив ситуацию, не заходя в каморку, он бросила серьезно, но как бы невзначай:

— Ленка, иди в клуб! Весь отряд там, а она тут в неглиже. Лучше за детьми следить надо!

Последние слова были произнесены уже из-за захлопывающейся входной двери в корпус, откуда в коридор влетело облачко морозного воздуха. Повиснув между двумя крашеными стенками коридора, оно потеряло интерес и растаяло, словно новогодняя снежинка, до срока вывалившаяся из мешка Деда Мороза.

— А какого он был размера? — спросил Иа.

— Примерно с меня... — ответил Пятачок.

— Входит-выходит.... Замечательно выходит.... — этот диалог как нельзя лучше отражает ситуацию в комнате вожатой. Лена стояла, словно шарик который лопнул Пятачок. На шее моталась веревочка с зеленым кулоном. Ее лицо приятного зеленого цвета всем своим видом показывало, что секса в СССР не было.

— Ну, я пошел... Спасибо! — сказал я и пошел одеваться в палату к мальчикам. Крепкая нервная система будущего мужчины работала как торшер: Включили горит! Выключили потух. И ни каких тебе колебаний и сомнений!